

Е Цзюньчжу с некоторой досадой произнёс:

— Цинъян, прежде чем пинать эту стену, стоило бы подумать, несущая она или нет.

—... — Нин Цинъян сжал в руке только что найденный кольцо-хранилище. Проклятье, зачем было прятать кольцо-хранилище почтенного в несущей стене?

Е Цзюньчжу вздохнул:

— Уже поздно. Давайте сначала спустимся с горы и найдём место на ночлег, чтобы Цинъян мог помыться.

Трое спустились в ближайший городок, нашли постоялый двор и сняли три комнаты.

Нин Цинъян вернулся в комнату, сбросил грязную одежду и сел в воду для купания, глядя на серебряное кольцо-хранилище на своей ладони, погружённый в раздумья. Это кольцо он носил долгие годы. После того как его тело погибло во время преодоления небесной скорби, оно должно было вместе с плотью обратиться в пепел от удара молнии. Как же оно оказалось в руках этой секты И?

Нин Цинъян внимательно осмотрел кольцо и заметил, что оно стало серебристее и ярче прежнего. «Неужели после удара молнией оно, по странной случайности, повысило свой ранг?» — с некоторой завистью подумал он. Его собственное тело не прошло скорбь и обратилось в прах, но кольцо, оказывается, успешно преодолело её и эволюционировало.

Место, где он тогда проходил скорбь, находилось за тысячи ли от секты И, и о событии знали лишь единицы. То, что кольцо подобрали люди из этой секты, означало, что кто-то из них заранее узнал о его попытке, тайно наблюдал неподалёку, был уверен, что он потерпит неудачу, и планировал поживиться.

Нин Цинъян прищурился. Возможно, эта секта И вообще была замешана в заговоре против него. Он тщательно перебрал в памяти тех, кто знал о его скорби: Мэн Саньцянь, которого нельзя было с уверенностью назвать ни другом, ни врагом, Лин Фань, вечно с ним враждовавший, и Бай Чжи, которая тогда постоянно к нему приставала... Кто же из них предал?

Нин Цинъян вздохнул и пробормотал себе под нос:

— Жаль, что в секте И все до единого мертвы, некого расспросить.

Однако, судя по тому, как те, кто уничтожил секту, что-то искали, не за этим ли самым кольцом они охотились? Нин Цинъян просиял. Возможно, те, кто истребил секту, тоже были замешаны в той истории. Значит, сначала нужно их найти.

Тук-тук. Стук в дверь прервал размышления Нин Цинъяна.

Нин Цинъян недовольно нахмурился:

— Войдите.

Е Цзюньчжу вошёл, держа в руках свёрток с одеждой:

— Учитель подумал, что у тебя нет сменной одежды, и купил тебе комплект в лавке готового платья.

Нин Цинъян на мгновение опешил — он и забыл об этом. При мысли о том, что он едва не оказался голым, настроение Владыки демонов стало ещё более мрачным.

Е Цзюньчжу, глядя на купающегося ученика, спросил:

— Может, учитель поможет тебе потерять спину?

Спина — уязвимое место, и для культиваторов это особенно чувствительно. Нин Цинъян, помедлив, всё же кивнул:

— Благодарю, учитель.

Судя по всему, этот небожитель не станет ему вредить.

Е Цзюньчжу провёл рукой по тонкой коже на спине ученика и вздохнул: слишком худой, надо бы откормить.

Неважно, какими были эстетические предпочтения человека раньше, когда он становится наставником, в его сердце всегда поселяется образ упитанного малыша. Е Цзюньчжу не был исключением: он мечтал каждый день откармливать своего ученика, чтобы тот стал пухленьким.

****14. Прорыв и кризис****

Решив заняться воспитанием ученика, Е Цзюньчжу с самого утра заказал целый стол мясных блюд. Он положил Нин Цинъяну кусочек жаркого с перцем:

— Цинъян, это мясо укрепляет тело. Ты растешь, ешь побольше.

Нин Цинъян заметил, что с тех пор, как учитель-небожитель вытер ему спину, он стал проявлять ещё больше заботы. Глядя на мясо в своей миске, он задумался: «Неужели его покорила моя величественная фигура?»

Е Цзюньчжу смотрел на хилое тело ученика: надо бы подкинуть ещё мяса.

— Ого! С утра такое жирное! — Хуа Цзиньюй спустился сверху, уселся на стул, взял палочками тыкнул в мясо на тарелке, без разбора подцепил кусок и бросил в рот. Оказалось, довольно вкусно.

Е Цзюньчжу недовольно нахмурился:

— Не тычь зря. Это мясо из секты И, для поправки здоровья Цинъяна. Днём с огнём не сыщешь.

— Цок. Поправка здоровья, — Нин Цинъян хоть и выглядел хрупким, как цветок, на деле был крепок, как бык. Хуа Цзиньюй рассеянно подцепил ещё кусок, но, когда начал жевать, вдруг замер. Он вспомнил горы трупов в секте И, и лицо его мгновенно побледнело. Дрожащей рукой с палочками он выдавил:

— Э-это мясо... откуда?

Е Цзюньчжу вздохнул:

— Из других сект брать не разрешают.

—... — Хуа Цзиньюй зажал рот рукой и выбежал вон.

Е Цзюньчжу с недоумением посмотрел ему вслед и снова подложил мяса Нин Цинъяну. Журавлей-скакунов, которых разводили в сектах, просто так есть нельзя, но в секте И осталось несколько живых, и он прихватил их, отдав в харчевню на готовку. Всё равно журавли не признавали новых хозяев и не поддавались дрессировке, так что в секте И они бы просто умерли с голоду.

Нин Цинъян не был большим ценителем еды. Съев немного, он отложил палочки, вытер рот и сказал:

— Учитель, давайте отправимся на поиски убийц, истребивших секту И.

Е Цзюньчжу достал кольцо-хранилище:

— Это кольцо главы секты И. Он единственный, кого не пытали перед смертью, но палец с кольцом отрубили. Однако ценные вещи в кольце не тронуты. Я полагаю, те люди что-то искали.

Нин Цинъян, вспомнив о своём только что найденном кольце, потемнел лицом. Секта И — мелкая секта, что у них могло быть такого ценного, чтобы рисковать, идя против секты Даоян ради истребления? Похоже, действительно охотились за его кольцом.

— Но такие тёмные дела — не пальцем щёлкнуть, чтобы найти преступников, — продолжил Е Цзюньчжу. — Мы можем просто вернуться и доложить главе секты всё как есть. Не стоит заикливаться на этом и тратить кучу времени.

Нин Цинъян помрачнел. Если не найти убийц, как же выяснить, кто погубил его самого?

Е Цзюньчжу, видя недовольное лицо ученика, решил, что это юношеский максимализм и неприятие жестокости. Он сказал:

— Мы, культиваторы, следуем закону небес и судьбы, пути причин и следствий. Не стоит тратить время и навлекать на себя карму из-за посторонних дел. Цинъян, помни: всегда нужно хранить твёрдость своего Дао-сердца.

Тут он внезапно замолчал, впав в задумчивость.

Е Цзюньчжу осознал, что оригинальная личность всё ещё оказывает на него влияние. Рождённый под знаменем Нового Китая, он был добропорядочным гражданином. Но после переселения он не испытывал колебаний, убивая или сражаясь, и даже при виде чудовищной резни не чувствовал особого сострадания или жалости...

В душе Е Цзюньчжу закралось беспокойство: насколько сильно характер оригинала уже изменил его, и каких ещё изменений он не заметил?

Нин Цинъян не обратил внимания на состояние учителя. В его душе вдруг прояснилось. Путь культивации долг, его собственный путь — это путь божества. Месть — лишь часть жизни, не главная. Он переродился в чужом теле не только ради мести, но чтобы продолжать свой путь к Великому Дао. Если он перепутает цели и потеряет Дао-сердце, все годы cultivation будут прожиты зря!

Когда придёт время, месть свершится сама собой, но она не должна стать камнем преткновения на его пути к Дао! Осознав это, Нин Цинъян почувствовал, как спали оковы, духовная сила хлынула потоком, а вокруг него образовался водоворот энергии.

Е Цзюньчжу, пробуждённый аномалией, с изумлением уставился на окутанного энергией Нин Цинъяна. Неужели ученик вот-вот прорвётся на стадию Золотого ядра?

Хозяин постоянного двора стоял неподалёку, желая что-то сказать, но не решаясь подойти. Прорыв на стадию Золотого ядра, хоть и не сопровождается небесной скорбью, но образовавшийся водоворот энергии может запросто разрушить харчевню.

Нин Цинъян не мог двигаться. Такая ситуация ставила его в тупик. За две жизни он не попадал в более неловкое положение: сидел за едой и вдруг начал прорываться.

Хуа Цзиньюй почувствовал колебания энергии, вбежал в комнату и опешил:

— В этом городке энергии мало. Для прорыва на Золотое ядро нужно много. Это место совсем не подходит.

Е Цзюньчжу, оценив состояние ученика, не стал медлить. Схватив его на руки, он бросился к

горе, где располагалась секта И.

Каждая секта, выбирая место для основания, селилась на духовной жиле, или, в худшем случае, рядом с ней. Так что лучшим местом для прорыва поблизости была именно секта И.

Е Цзюньчжу, найдя чистое место, усадил Нин Цинъяна, разложил вокруг него духовные камни и встал рядом, охраняя его.

Хуа Цзиньюй, запыхавшись, долго догонял их. Ему, культиватору стадии Золотого ядра, пришлось бежать за культиватором стадии Зарождающейся души. Легко ли?

Отдышавшись, он сказал:

— Сюда вряд ли кто придёт. Красавчик, не волнуйся за старшего Цинъяна.

Е Цзюньчжу, сжав губы, напряжённо смотрел на ученика, не проронив ни слова.

***** **

— Гляди. — Указывая на секту И, произнёс один культиватор в синем. — Разве это не земли секты И? Откуда там такое скопление энергии?

— Секта И вырезана под корень. Не может быть, чтобы кто-то прорывался, — с мрачным взглядом ответил другой культиватор.

— Печати с артефактов высшего ранга при снятии тоже вызывают колебания энергии. В секте И больше нет ничего ценного. Неужели проявилось кольцо-хранилище Небесного убийцы, Владыки демонов Уши? — удивился синий.

— Эти ничтожества из И слишком хорошо спрятали кольцо. Мы тогда не нашли, а оно само объявилось, — холодно усмехнулся его собеседник.

Они переглянулись и, превратившись в две полосы света, устремились к секте И.

Но не только эти двое нападали на секту И, и не только они не ушли, смирившись с неудачей. Все культиваторы в округе, заметившие колебания энергии, устремились туда же. У кого-то были дурные намерения, кто-то просто сгорал от любопытства.

Е Цзюньчжу внезапно поднял голову к небу, лицо его потемнело. Он быстро достал свое

оружие — нитку чисто-белых бусин. За полгода практики он почти освоил это сокровище.

Хуа Цзиньюй, чей уровень cultivation был ниже, лишь спустя мгновение ощутил, как множество культиваторов устремилось к ним. Он сжал в руке свой складной веер — своё оружие, столь же вычурное, сколь и подобающее образу секты Хэхуань.

Прибывшие культиваторы, увидев, что прорывается младший, а рядом с ним охраняют старшие стадий Зарождающейся души и Золотого ядра, неловко улыбнулись Е Цзюньчжу и развернулись, чтобы уйти.

Но те, у кого были дурные намерения, не ушли. Они задержались, обмениваясь взглядами с Е Цзюньчжу. Один культиватор в чёрном, на стадии Зарождающейся души, улыбнулся:

— Уважаемый даос, не подскажешь, кто прорывается?

— Мой ученик, — холодно ответил Е Цзюньчжу.

— Ваш ученик умеет выбирать места, — ехидно заметил другой. — Разве запах крови на этих горах не мешает прорыву? Ваш ученик — демонический культиватор, или же прорыв случился внезапно, вынужденно?

Е Цзюньчжу сжал нитку бусин так, что на руке вздулись вены. Он слегка повернулся, заслоняя Нин Цинъяна:

— Какая разница?

— Конечно. — Культиватор сделал паузу. — В секте И, так или иначе, были кое-какие сокровища. Может, ваш ученик что-то нашёл, отчего и случился прорыв? — Он пытался выяснить, получили ли они кольцо Владыки демонов.

«Твою ж мать, какое твоё дело?» — сдержав желание выругаться, Е Цзюньчжу ответил:

— Шутить изволите, даос.

Культиватор с хищным взглядом, казалось, утвердился в мысли, что Е Цзюньчжу нервничает из-за кольца. Он оскалился:

— Сокровища достаются достойным. Культиваторов стадии Зарождающейся души здесь немного, но и не мало — четверо. Не поделишься ли ты, даос, находкой с собратьями?

— Нет у меня никаких сокровищ, — холодно отрезал Е Цзюньчжу.

— Эх, раз ты, даос, так несговорчив, нам придётся проявить неуважение.

Четверо культиваторов начальной стадии Зарождающейся души одновременно атаковали Е Цзюньчжу. Остальные ринулись на Хуа Цзиньюя.

Нин Цинъян был уже на грани формирования ядра, любая ошибка была смерти подобна. Ему оставалось только закрыть глаза и сосредоточиться на прорыве.

****15. Полный фанатизм по Владыке демонов****

Е Цзюньчжу ногтем перерезал нитку. Большая часть чисто-белых бусин устремилась к четырём культиваторам, а меньшая окружила Нин Цинъяна, охраняя его.

Культиватор в чёрном на миг замешкался:

— Ледяные нефритовые бусины... Ты — Е Цзюньчжу из секты Даоян?

Не успел Е Цзюньчжу ответить, как другой культиватор выкрикнул:

— Тогда тем более нельзя отпускать их!

Остальные поняли: если сегодня отпустить Е Цзюньчжу, завтра их самих будет преследовать секта Даоян. Они были из мелких сект, не чета Даоян.

Их удары стали яростнее, они перестали скрывать мастерство и, достав свои основные артефакты, обрушили их на Е Цзюньчжу.

Е Цзюньчжу, вынужденный отвлекаться на защиту Нин Цинъяна, начал проигрывать. Он облизнул пересохшие губы, проколол палец и направил каплю крови на белые бусины. Те засветились белым светом.

Е Цзюньчжу сложил жест, и бусины соединились в странную фигуру, засияв, словно звёзды на небе.

— Плохо! Это Небесная звездная формация!

Е Цзюньчжу холодно взглянул на противников и влил всю свою духовную силу в бусины. Те вспыхнули ещё ярче, и из белого сияния, словно хаотичные стрелы, ринулись на четверых.

Культиваторы не успели уклониться, сопротивляться было бесполезно. Бусины мгновенно превратили их в кучу кровавого фарша, не пощадив даже зарождающиеся души.

Бусины постепенно погасли, выстроились в линию и вернулись к Е Цзюньчжу, обвив его запястье. Откуда-то появившаяся нить снова соединила их.

Е Цзюньчжу сжал бусины, сделал несколько шагов к Нин Цинъяну, выплюнул полный рот крови и рухнул на землю. Небесная звездная формация истощила его силы и жизненную энергию, он едва держался до последнего.

Остальные на миг опешили от происходящего. Лишь спустя время они пришли в себя. До них доходили слухи о силе артефакта Е Цзюньчжу, но чтобы настолько... Наконец, кто-то крикнул:

— Е Цзюньчжу упал! Быстро, кончайте с ними!

— Тьфу! Подлецы! — Хуа Цзиньюй лихорадочно размахивал веером, то раскрывая, то складывая его. Со стороны это выглядело так же вычурно, как танец павлина с распущенным хвостом, а не как смертельная битва.

На самом деле Хуа Цзиньюй не кривлялся нарочно. В их секте Хэхуань в основном изучали искусство парного совершенствования, поэтому главным было привлекать партнёров, отчего все приёмы выглядели фривольно.

Окружённый врагами, Хуа Цзиньюй получил множество ран. Он скривился и пробормотал:

— Говорят, лучше умереть под пионом, будучи ветренным призраком. Если же я погибну от рук вас, уродов, мне не то что ветренным человеком не стать, но и ветренным призраком не бывать!

Рябой культиватор, разъярённый этой болтовнёй, грубо взмахнул длинным мечом, целясь в Хуа Цзиньюя, и заорал:

— Я сделаю так, что ты и призраком не станешь! — Но его удар не достиг цели. Тело культиватора перерубило надвое.

Позади стоял Нин Цинъян. Он не убрал меч, а, наоборот, бросился с ним на остальных.

Кто-то воспользовался тем, что за Нин Цинъяном никто не следит, и напал на него. Прорыв был прерван. Лицо Нин Цинъяна стало мрачным, глаза налились кровью, он смотрел на культиваторов, словно на трупы.

Увидев в руках Нин Цинъяна древний, невзрачный на вид меч, все невольно вздрогнули. От меча веяло зловещей аурой, от одного взгляда на него хотелось бежать.

Этот меч был личным оружием Нин Цинъяна, которое он хранил в кольце. Сейчас его cultivation был недостаточен, пользоваться им было тяжело, поэтому он стремился закончить всё побыстрее. Хотя они были примерно равны по силе, артефакты врагов уступали его мечу. Вскоре все они были убиты, смерть их была ужасна: земля усеяна разорванными телами.

Нин Цинъян, с красными глазами, весь в крови, сжимая зловещий меч, походил на демона из преисподней.

Хуа Цзиньюй оторопел, впившись взглядом в меч, а затем, опомнившись, бросился к нему с криком:

— Владыка демонов!

Духовная сила Нин Цинъяна иссякла, и он, не выдержав натиска, рухнул под весом Хуа Цзиньюя.

Хуа Цзиньюй замер: «Всё, я убил возродившегося Владыку демонов. Что теперь делать?»

Он осторожно встал, достал бутылку с целебными пилюлями, скормил по одной Е Цзюньчжу и Нин Цинъяну, а затем, морщась, перевязал собственные раны.

Нин Цинъян был ранен легко и очнулся через день. Он уставился на лежащего рядом Е Цзюньчжу, не отрывая взгляда. Если бы у него раньше был такой охраняющий, при прорыве его бы не убили исподтишка. Он осторожно провёл пальцем по ране на лице Е Цзюньчжу, в глазах мелькнула жестокость: «Эти люди заслужили смерть!»

Хуа Цзиньюй, осторожно неся меч Нин Цинъяна, подошёл к нему, пряча взгляд:

— Владыка демонов, ваш меч.

Нин Цинъян повернул голову, на его мрачном лице читалась жажда убийства.

Хуа Цзиньюй вдруг почувствовал холодок, но не придавал этому значения. Двигаясь к Нин Цинъяну, он взволнованно затараторил:

— Владыка демонов! Раньше я каждый день убивался из-за того, что «Вы родились, когда меня ещё не было, а я родился, когда Вы уже умерли»... А теперь... вы... я... э-э... Можете дать автограф?

Жажда убийства Нин Цинъяна мгновенно испарилась. Он выхватил свой меч и холодно спросил:

— Ты кто?

Лицо Хуа Цзиньюя исказилось от волнения, он заикаясь выдавил:

— Я... я Хуа Цзиньюй, сто восемь лет, девственник... э-э, не женат...

Нин Цинъян нетерпеливо оборвал его:

— Раз ты знаешь, кто я, я не могу тебя оставить в живых.

Хуа Цзиньюй обиженно надул губы:

— Я клянусь Небесным Дао: если проговорюсь хоть словом, то паду в ад вечных мук и не перерожусь вовеки.

Нин Цинъян убрал меч в кольцо. Он лишь запугивал Хуа Цзиньюя — у него не осталось сил на убийство.

Нин Цинъян пристально посмотрел в глаза Хуа Цзиньюю:

— Как ты меня узнал?

Раз этот смог, то и другие смогут. К этому нужно подготовиться заранее.

Хуа Цзиньюй покраснел и смущённо ответил:

— Я... я раньше изучал Ваши деяния, Ваши привычки, вкусы, одежду и оружие... Да, и ещё! Ваша верхняя одежда испорчена, я купил новую. Переоденьтесь, пожалуйста.

<http://bllate.org/book/18830/1833233>